

Странный запах

**Бэлла
Крымская**

12+

Бэлла Крымская

Странный запах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55746780

SelfPub; 2021

Аннотация

Став главой села, Василий Иннокентиевич лихо кладет себе в карман бюджетные деньги безо всякого зазрения совести. Он в предвкушении долгой и беспечной жизни. Но внезапно все его планы рушит исходящий от него странный запах, происхождение которого не может объяснить ни один врач. Чиновник вскоре узнает удивительную правду.

Бэлла Крымская

Странный запах

Василий Иннокентиевич Петров всю жизнь проработал на металлургическом заводе. Начинал со станка, будучи еще юнцом-студентом, и к пятидесяти годам добрался до кресла начальника. Зарплата у него была недурная, да только он никогда не улыбался: всего ему, знаете ли, было мало. Вот и подался он в чиновники: принял участие в выборах главы села, как «человек от народа», – и победил.

Так он стал мелким чиновником, но с о-очень большим аппетитом. Важным и влиятельным человеком начал ощущать себя Василий Иннокентиевич: весь такой солидный – в белоснежной рубашке и в выглаженных черных брючках, и с прилизанным, едва заметным серым пушком на плешивом затылке.

Сев на новое кресло, Василий Иннокентиевич времени даром терять не стал: первые средства, – выделенные на восстановление храма, – он без зазрения совести раскидал по карманам, и это у него вошло в привычку.

Но не прошло и месяца, как прибежал поп – жаловаться, что потолок храма спустя неделю после реставрации начал обсыпаться. В конце концов, сошлись чиновник с попом на том, что виноваты строители. Чиновник обещал найти виновников – поп кивнул и ушел. Больше он не появлялся. А

Василий Иннокентиевич в скором времени начал обустроить свой дом: достроил третий этаж. Жил-то он один с женой, и в том у них не было особой нужды, – но так захотелось Василию Иннокентиевичу.

В следующий раз он и глазом не моргнув попрятал по карманам деньги из госбюджета, выделенные на обеды сельским школьникам. Скучные обеды получали школьники: то макароны слипшиеся, то пирожки из залежалой муки. А сам чиновник каждый будний день ездил на обед в ресторан «Ноктюрн» с видом на набережную. И, созерцая речную гладь, он жадно лопал то креветок, то семгу, а то иногда даже специально привезенных для него омаров.

«Теперь заживу», – думал всякий раз Василий Иннокентиевич, отправляя вслед за съеденным бокальчик вина.

Но недолгим было спокойствие чиновника. Явились в один прекрасный день к зданию сельсовета местные жители. Василий Иннокентиевич выглянул из окна своего кабинета, и обратился к секретарше (этакой молоденькой фифочке):

– Чего надобно этим бездельникам?

– А это, Василий Иннокентиевич, жители микрорайона Горка. Пришли жаловаться на строительство дачных участков на месте их домов, которые сегодня же собираются начать сносить.

– Не те ли это самые участки... – Василий Иннокентиевич озадаченно почесал свою плешь, глядя в окно с презрительным прищуром, – ...что выкупил застройщик Краснов?

– Именно те! – ответила, не отвлекаясь, секретарша, стуча кончиками бордовых ногтей по клавиатуре и набирая текст. – Многие чиновники давно заметили для себя это живописное место. И даже заплатили деньги наперед.

Василий Иннокентиевич как ужаленный отскочил от окна:

– Ах, подлюги! Я им покажу!.. Я ведь своей жене и ее родственникам два участка у Краснова купить собрался с огромной скидкой, а они собрались всю малину испортить?.. Сейчас я выйду и устрою им!

Василий Иннокентиевич вышел на крыльцо, но спуститься к народу слишком близко побоялся. Он оттолкнул в сторону своего подчиненного, – напрасно пытавшегося успокоить разъяренный народ, – и громко обратился к нарушителям его покоя:

– Чего вам надобно? Чего собрались?

Мужики и бабы увидели сурового главу села и словно языки проглотили.

– Нам надобно, чтобы вы нам помогли. На вас одна надежда! Не дайте бандитам отобрать наши участки! – слышался среди перешептываний мужиков тонкий визгливый голос хрупкой, но отважной бабенки – этакое гласа народа.

Завязался спор с этой самой бабенкой, пока остальные стояли и кивали. Бабенка оказалась не из робкого десятка, и на один аргумент приводила два, а то и три.

Недолго стоял Василий Иннокентиевич, напрягая жилки

на шею и голосовые связки. Не выдержав, вернулся обратно в кабинет со словами:

– Только поглядите на них! Воняют черноземом, а сами меня – человека с двумя (подчеркнул он слово «двумя») высшими образованиями, жизни учат!..

Народ постоял-постоял, покричал, повозмутился; понял, что никто к ним не выйдет, и разошелся.

После рабочего дня Василий Иннокентиевич в дурном расположении духа направился к своей недавно купленной иномарке и увидел, что под колесами собака бродячая спит. Разозлился чиновник, и громко крикнул подчиненному:

– Кто впустил эту псину во двор?!

Собака от громкого крика испугалась и без оглядки убежала.

Василий Иннокентиевич с одышкой погрузил свою изрядно разжиревшую тушку в автомобиль и приказал водителю отвезти его домой.

Прошло три месяца, в течение которых жители микрорайона Горка каждый день ходили к Василию Иннокентиевичу добиться справедливости. Тот прежде выходил к народу, ругался; а потом и вовсе перестал выходить. И народ вскоре перестал приходить.

Вышел Василий Иннокентиевич на крыльцо после полудня – собирался на обед в ресторан; шел дождь. Хотел спуститься – да вот под ноги не посмотрел и, споткнувшись о

лежащую поперек собаку (что под колесами его автомобиля спала), плюхнулся в лужу... Поднялся он с красным от ярости лицом; да как ударил собаку ногой изо всех сил, – что собака, похрамывая да поскуливая, убежала прочь.

Чиновник, приехав домой, помылся хорошенько мочалкой и постирал вещи дезинфицирующим средством – ибо собак бродячих он жутко брезговал.

Проснувшись следующим утром, он по привычке отправился принимать душ. После чего спустился есть стряпню жены (ну это ведь не изыски ресторана «Ноктюрн»!) А жена, стоя за плитой, невзначай принялась воздух обнюхивать и сказала:

– Ты, Василенька, решил привычкам изменить?

– То есть?

– Да вот ты раньше просыпался, мылся, и только так завтракать садился... а теперь ты несвежий сел стол. Душок тут такой стоит – что аж нос затыкай!

Василий Иннокентиевич сделал подозрительное лицо; отбросил вилку и принялся обнюхивать себя, поговаривая: – Быть такого не может! Я вот только душ принял – мылом хорошенько натерся.

Жена ничего не ответила и села за стол есть. Но не выдержала и трех минут и снова принялась:

– О, боже! Что за запах-то такой гнилостный!.. Может у тебя... ну этот... старческий запах начал появляться, а, Ва-

силенька?

От этих слов глаза Василия Иннокентиевича залились кровью. Ему стало обидно, что его причислили к старикам – ведь мужчины больше женщин боятся постареть.

– Какой еще старческий запах, дура ты редкая?! – воскликнул он. – Мне пятьдесят пять лет всего!

Жена ничего не ответила. И вышла из-за стола, так и не поев.

Через несколько минут приехал за Василием Иннокентиевичем водитель, чтобы отвезти в город на заседание. Василий Иннокентиевич сел в автомобиль, раскрыл газету; машина тронулась. А водитель всю дорогу то и дело поглядывал на чиновника краем глаза, и внезапно опустил ветровое стекло подле себя.

– Ты чего стекло опустил? Хочешь, чтобы меня продуло? – недовольно пробормотал Василий Иннокентиевич, не отвлекаясь от чтения.

А водитель замаялся, не зная, какие слова подобрать.

– Понимаете ли, запах в салоне такой неприятный стоит, что дышать невозможно...

– А ну закрой окно! – разразился чиновник и грозно посмотрел на водителя.

Водитель вздрогнул, и в ту же минуту поднял стекло; чиновник вновь погрузился в газету и продолжил читать.

На собрании присутствовали мэр города и главы близле-

жащих сел. Василий Иннокентиевич сел возле одной приятной дамочки и сделал вид, что с интересом слушает проблемы сельского хозяйства (а сам в это время думал о ней). Все шло замечательно: Василию Иннокентиевичу даже казалось, что приятная дамочка ему улыбается. Но после перерыва вдруг обнаружил, что приятная дамочка поменялась местами с другой – менее приятной дамочкой.

Василий Иннокентиевич очень огорчился, что приятная дамочка от него отсела. Но вскоре переменял свое мнение о ней: «Да не такая уж она и приятная. Сушная жаба».

Несколько дней спустя в гости к родителям приехала единственная дочь и привезла внучку. А внучка двух годиков от роду – а уже резвая, задорная и шаловливая. Взял Василий Иннокентиевич ее да усадил на свои колени. А внучка нос пальцами прищепила и говорит:

– Фу, деда, ты что, обкакался? – И тут же вынырнув его из объятий, тотчас исчезла за дверью.

А в этот момент заходит в комнату дочь, у которой были розовая челка и татуировка на бритой голове, и с воплем открывает окно:

– Какая же вонь здесь стоит!.. Вы дом хоть иногда проветриваете, предки?

Василий Иннокентиевич нервно похлопал глазами и не нашелся, что ответить бестактности дочери, невоспитанность которой сам же и допустил.

Несмотря на то, что Василий Иннокентиевич утром уже принимал душ, то после ухода гостей решил принять снова. Он намылился и напенился так, будто мылся в последний раз; и тер жесткой мочалкой свою грубую, толстую – почти козлиную кожу так, будто хотел ее разодрать.

«Ну теперь-то не должно быть запаха», – сказал он сам себе, протираясь полотенцем. И отправился в спальню – весь красный как редиска. Лег и прильнул к жене. Захотелось Василию Иннокентиевичу нежностей на склоне лет и начал он жену обнимать, за мягкие места щупать. А жена так и отскочила от него со словами:

– Василенька! Миленький ты мой! Как же несет-то от тебя невыносимо!.. – Схватив подушку, она ушла спать в другую комнату.

Василий Иннокентиевич пришел в ярость. И сорвались с его губ вслед такие слова:

– Дура ты редкая, я только что помылся!.. Не хочешь меня – ну и не хоти. Другую себе заведу – молодую.

Он отвернулся и уснул, заливаясь таким храпом, что слышно его было во всех комнатах.

На следующее утро зашел чиновник к себе в кабинет – видит, как секретарша точит ногти.

– Ой! – вскочила она. – Кофе или чаю?

– Мне? – игриво подошел к ней вплотную Василий Иннокентиевич. – Тебя!

– Ой, мамочки! Что же вы делаете? – захлопала глазами девушка.

– Жене изменяю! – ответил Василий Иннокентиевич, и грубо прижал ее к себе.

– Я бы и не прочь, но... – Девушка тут же приняла горделивый вид. – Но я не вожусь с мужчинами, которые женаты и которые к тому же... не моются. Извините!..

Василий Иннокентиевич как ошпаренный отошел от секретарши и сел на свое кресло: к ней он не приставал – и более того даже не разговаривал. Весь день не мог он думать ни о чем другом, кроме как об этом запахе. Он ломал голову над тем, что это за запах такой, что все его чувят, а он – нет.

На выходных решил Василий Иннокентиевич по совету жены посетить врачей. И начал со стоматолога.

– У вас на зависть хорошие зубы. Я не вижу гноя или воспалений, которые могли бы спровоцировать дурной запах, – заключил стоматолог.

– Стало быть, никакого запаха нет?

– Нет, запах есть, но исходит точно не изо рта. Зубы в порядке... Вы проверьте желудок... Вот вам адрес одного гастроэнтеролога, – протянул он бумажку. – Только вы непременно скажите, что от *такого-то*. А я вам в следующий раз за это скидочку сделаю. – И стоматолог натянул глупую заискивающую улыбку.

Василий Иннокентиевич отправился по тому адресу к га-

строэнтерологу, – но и тот развел руками. Он направил чиновника к другому врачу и так же попросил назвать его фамилию.

Василий Иннокентиевич обошел врачей в нескольких частных клиниках, которые обобрали его, как говорится, до ниток – но так и не смогли установить причину странного запаха.

Чиновник в конце концов отправился в больницу *для простых смертных*: но и там все безрезультатно. Врачи затыкали носы и разводили руками. Дошло до абсурда, что чиновник даже хотел дать взятку, чтобы ему сказали, что никакого запаха нет. Но несмотря на то, что по справке Василий Иннокентиевич был абсолютно здоров, – носы лгать не могли, и что-то с ним творилось неладное.

Он вышел, и у входа в больницу подбежал к нему бородастый мужичок и упал на колени:

– Матерь Божия! Это вы!

– Чего надобно? – нахмурил брови Василий Иннокентиевич.

– На месте дома моего дачу построил негодяй-чиновник! Жить негде, – слезно взмолился мужичок. – По свету скитаюсь. Помогите! Прогоните!

Но Василий Иннокентиевич, пуще разозлившись, прошел мимо; сел в автомобиль, и приказал водителю отвезти его домой.

Приехав домой, он узнал неприятную новость. Жена оставила ему такую записку:

«Мы с мамой и с сёстрами переехали жить на новые дачи. Прошу пойми правильно. Я больше не могу жить с этим... запахом. С каждым днем этот запах все сильнее и сильнее. Это безобразие! Прости! Твоя М.»

– Ах ты шалава! – зарычал брошенный муж, как зверь, притаптывая записку ногой. – Я родственников ее обогатил, саму обогатил, а она – бросила меня при первой моей беде!.. У-у, шалава! Увижу – убью!

С этого дня Василий Иннокентиевич еще больше ожесточился: начал огрызаться на водителя, грубить подчиненным и говорить неприятности секретарше. Последняя разозлилась; собрала толстую косметичку и тонкую папку с бумагами и ушла со словами:

– Старый вонючий козел! Всем расскажу, что приставали! Следом уволился водитель.

Жизнь чиновника пошла на спад. Родственники к нему не приезжали, на работу к нему наниматься не хотели.

Как и прежде он соскребал лопатой деньги, выделенные на школы, детские дома, храмы. Но удовольствия ему больше ничего не приносило: он был одинок и никому не нужен. А все из-за запаха, который чужли все, кроме него самого.

Однажды он выходил из здания сельсовета и увидел у ка-

литки старую худощавую женщину с палочкой.

– Эй вы! Чего забыли здесь? – крикнул он.

– Подай, сыночек, на хлебушек. Два дня не ела, – промолвила старуха сухими сморщенными губами.

– А ну убирайтесь! – сказал он, подойдя ближе. – Вы не видите, что здесь не дом милосердия, а здание сельсовета? Идите в храм.

– А нет храма. Закрыли его. Ибо рушиться он стал сразу же после ремонта.

– А меня не волнует!

– Да как же не волнует? Вы же на восстановление деньги получали. С кого спрашивать-то?

– А ну не дерзите мне! Я глава села.

– Я знаю, мертвый человек.

– Что ты, карга старая, сказала?

– Не узнал ли ты меня?

– Не знаю и знать не хочу!

– А вот посмотри на мой правый бок? – Старуха повернулась боком. – Ты меня так сильно пнул, что до сих пор болит.

– Я старух не быю.

– А я собака та самая, которую ты ударил и прогнал.

– Чушь. Уйди.

Но старуха и с места не сдвинулась, а все продолжала:

– Ты лучше скажи, как тебе живется-то? Я гляжу, все от тебя убежали, как запах твоей гнилой душонки учуяли.

– Говори яснее, что ты имеешь в виду, – разозлился чи-

новник.

– Душа твоя смердит, покуда тебе некогда ей заняться, ибо занят ты благами земными.

– Говори еще яснее.

– Ты уже умерший человек, хоть ты и ходишь по земле. Душа твоя разложилась раньше плоти. Вот и смердит она.

Василию Иннокентиевичу стало не по себе.

– У некоторых людей души умирают раньше плоти и начинают издавать запах разложения – да только люди эти сами его не чувствуют.

– Почему тебе знать? – испуганно спросил чиновник.

– А я давно за тобой слежу... Ты зачем меня прогонял со двора?... А за что с людьми так обошелся? А я видела, как ты людей гнал. И слышала, как ты говорил, что люди те черноземом воняют. Не твои ли это слова? Пусть они черноземом смердят, а у тебя душонка гнилая смердит.

Василий Иннокентиевич стоял с распахнутыми глазами. Не хотел он словам старухи верить, а все же поверил.

– Но как... – смягчился запуганный до смерти Василий Иннокентиевич. – Как мне ее спасти – душу-то свою?

– Никак. О чистоте души нужно заботиться как о чистоте тела. Когда душа в грязи, она начинает болеть, гноиться, испускать зловонный запах, и в конце концов умирает. Тебя уже не спасти, ибо ты мертв. Осталась только оболочка... Ну прощай.

И старуха ушла, оставив чиновника в состоянии ступора.

Он стоял, глядя ей вслед, и совершенно ясно видел, как старуха превратилась в собаку. Через мгновения похрамывая и поскуливая, собака растворилась в воздухе.

Через несколько дней Василия Иннокентиевича похоронили. После того, как тело рассталось с душой, неприятного запаха не обнаружилось. И как подобает родственникам и знакомым, избегавшим покойника при жизни, – на прощание с Василием Иннокентиевичем собрались почти все.

– Ой, бедный Василенька! Да как же? – плакала навзрыд внезапно одумавшаяся и вернувшаяся жена, теперь уже вдова, когда гроб опустили в яму. – Он же не старый был. У него же справка... – Она вытащила бумажку. – Василенька всех врачей обошел – ему сказали, что он абсолютно здоров, все органы в порядке...

И слезы хлынули ручьем, помочив ту самую справочку.

– Видимо, – ответил ей кто-то из присутствующих, – есть болезни, которые медицине пока неизвестны и в которых медицина пока бессильна...

12 Марта, 2020

Для связи с

автором:

krymskaya_tem_letterbox@rambler.ru

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0